

Е. М. МИРОНОВА

ОБРАЗ РОССИИ КАК ФАКТОР МЕЖДУНАРОДНЫХ СНОШЕНИЙ ПО МАТЕРИАЛАМ РУССКИХ НЕБОЛЬШЕВИСТСКИХ ДИПЛОМАТОВ (1917 – 1939)

Автор рассматривает образ России, создаваемый дипломатами Русского Зарубежья, как фактор, оказывавший влияние на принятие реальных политических решений, а также трансформацию этого образа от однозначной «империи зла и насилия» в 1920-е гг. до ограничения критики с нарастанием международной напряженности в 1930-е и до признания некоторых изменений в системе, допускающих даже прямое сотрудничество с советскими структурами в условиях агрессии против страны.

Ключевые слова: Советская Россия, образ, международные отношения, дипломаты Русского Зарубежья, Совет послов.

Исследования последних десятилетий показали, что международные отношения являются результатом деятельности не только официальных политических и дипломатических учреждений. Внешнеполитическая линия государств складывается под воздействием многих факторов. Не первостепенное, но, безусловно, определенное воздействие на него оказывает общественное мнение, немалую роль играет и политическая традиция, образ той страны, об определении политической линии, в отношении которой идет речь. Обычно этот образ выстраивается вековой практикой взаимного общения, и скорректировать его чрезвычайно сложно.

Ситуация, сложившаяся в первой половине XX века вокруг СССР уникальна: одна из ведущих мировых держав, во всяком случае, самая крупная, пережив революцию, обратилась к умозрительно созданной политической системе, отказавшись ради нее от всех существовавших дотоле в мире экономических и юридических норм. При этом она на долгие годы оказалась закрытой, информации поступало крайне мало, и она не могла быть достоверной. Поездки в Россию сначала были чрезвычайно опасны из-за бушевавшей на ее просторах гражданской войны, а потом не пользовались популярностью вследствие резко неблагоприятного имиджа страны. В первые годы советской власти страну решались посетить немногие, те же, кто по разным причинам все же приезжали, находились под плотной опекой компетентных органов и видели только то, что им хотели показать. В то же время молодое советское государство чрезвычайно нуждалось в контактах с окружающим миром, стремилось выйти из изоляции. Со временем пришло понимание, что для этого Москве необходимо работать над положительным образом вновь созданного госу-

дарства. Но за границей находилась другая, «иная», изгнанническая Россия, для которой установившийся на родине режим был средоточием вселенского зла. И образ России на несколько десятилетий стал политическим фактором, вокруг которого велась напряженная борьба, и который оказывал влияние на принятие реальных политических решений.

Надо сразу оговориться, что эмигранты четко разделяли понятия России-Родины и той формы государства, которая утвердилась в стране в результате октябрьской революции 1917 г. Большевизм они воспринимали как аномалию, (о национальной катастрофе писал И.А.Ильин), как стихийное бедствие, при этом в их сознании «не было переноса негативных психологических установок на образ родины»¹. У эмиграции не существовало единого образа «больной» России. Различные группы, объединения по-своему представляли то, что происходило на родине, более того, с течением времени сложившееся уже представление изменялось. При этом создаваемый эмигрантами в межвоенный период образ СССР имел не столько культурно-этнографическое значение, сколько практически-политическое. Он транслировался политическим кругам стран пребывания, помогая вырабатывать политическую линию или создавая препятствия на пути нежелательных с точки зрения эмиграции решений. Естественно, у разных кругов русской зарубежной общественности была различная степень допуска, разная степень доверия, которыми они пользовались в политических кругах стран пребывания.

В этой статье мы сконцентрируемся на деятельности небольшой группы оставшихся за рубежом русских дипломатов, которые, однако, оказывали в первой половине XX века несоизмеримое со своей численностью влияние на формирование образа России за ее пределами.

Дипломатические учреждения, что находились за пределами страны на момент октябрьской революции 1917 г., отказались подчиниться власти большевиков, и, апеллируя к тому, что Петроград – это не вся Россия, что существуют территории, не признавшие новое правительство, выдвинули концепцию существования двух России: большевистской и национальной. Последнюю они считали своим долгом защищать, в связи с чем остались на своих местах и продолжили работу, создав независимую от власти на родине организацию – Совет послов. С этого момента усилия по созданию положительного образа антибольшевистской России и, соответственно, формированию негативного представления о советской стали одной из важных составляющих их деятельности на период гражданской войны и в первые послевоенные годы.

¹ Хрусталева. 1996. С. 19.

Первой задачей дипломатического корпуса в этой сфере было разъяснение иностранным коллегам, бурно переживавшим «измену России» союзникам, что «национальная» меньшевистская часть страны остается верной принятым на себя обязательствам. Эту цель преследовали первые пооктябрьские заявления дипломатов на встречах с политическими деятелями стран пребывания. Имея очень скудные сведения о происходивших на родине событиях², они внушали своим иностранным коллегам, что в Петрограде при помощи одураченных невежд (посол во Франции)³ власть временно захватили изменники (временный поверенный в Великобритании)⁴, говорили о «незаконности петроградской «Коммуны» (посланник в Испании)⁵, о России, разоруженной и преданной теми, кто называет себя ее правительством⁶. Официальный протест против захвата большевиками власти был заявлен русской миссией в Копенгагене⁷. Посол в Вашингтоне Б.А. Бахметев в этой связи прямо писал о необходимости создания положительного образа антибольшевистской части страны «для подготовки будущей кампании сочувствия и помощи России»⁸.

Дипломаты предпринимали усилия, чтобы их точка зрения через посредство печати доходила до общественности стран пребывания⁹.

Концепцию «двух России» посол в Париже В.А. Маклаков излагал и на первом после октября международном форуме: проходившей в конце ноября 1917 г. межсоюзнической конференции.

Союзников, а вслед за ними и нейтралов, вполне устроил такой подход. Они усвоили предложенную русскими дипломатами концепцию. Прямым следствием утверждения в сознании образа поделенной надвое

² Советник посольства в Париже кн. Кудашеву 5/18 ноября № 1128 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 25.; Посол в Мадрид и Пекин 5/18 ноября № 1130 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 26.

³ В.А.Маклаков К.Д.Набокову 12/25 ноября 1917 г. № 1149 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д.1727. Л. 163; Ф. 187. Оп. 524. Д.3537. Л. 51.

⁴ К.Д.Набоков послу 28 октября/ 10 ноября 1917 г. №915 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 72; Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 2об.

⁵ Соловьев К.Д.Набокову 31 октября/13 ноября 1917 г. № 304 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д.1727. Л. 247; Ф. 187. Оп. 524. Д.3537. Л. 16 об.

⁶ Переданный В.А. Маклаковым циркулярно для аналогичных акций представительство текст протеста против Брест-Литовского мира, телеграмма № 87 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л.112.

⁷ Копия письма бар. Мейендорфа В.П. Вологодскому в Омск от 28 ноября 1918 г. // ГА РФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 12. Л. 92.

⁸ Бахметев послу 22 ноября / 5 декабря 1917 г. № 767 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 88 об.

⁹ В.А. Маклаков в Мадрид и Пекин 5/18 ноября № 1130 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 26; Копия письма бар. Мейендорфа В.П.Вологодскому в Омск от 28 ноября 1918 г. // ГА РФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 12. Л. 92.

страны была проявленная зарубежными странами готовность проводить резкое различие между Россией и «самозванцами, которые называют себя ее правительством»¹⁰, а также выработка согласованной позиции, подразумевавшей отказ государств, входивших в Антанту, от признания новой власти Петрограда в качестве субъекта международного права¹¹.

В дальнейшем как внешнеполитические, так и внутривластные мероприятия советской власти вызывали волну протестов некоммунистической дипломатии: тексты передавались правительствам стран пребывания, «частным порядком» сообщались коллегам по дипкорпусу, распространялись через печать. Так представительства русского зарубежного корпуса отреагировали на публикацию секретных договоров с союзниками, убийство румынского посла и английского морского агента в Петрограде, начало переговоров с противником по мировой войне, подписание Брестского мира¹². ... Своей обратной стороной эти меры были направлены на создание положительного образа «национальной» России. Старейшина Корпуса М.Н. Гирс прямо писал о желательности организовать протестную кампанию по поводу опубликования договоров: «Таковое заявление имело бы главным образом целью поддержать честь России»¹³.

Уже в конце ноября 1917 г., казалось, авансы, которые делали дипломаты за рубежом, стали сбываться: на юге начали возникать очаги сопротивления и временные правительства, которые рассматривались

¹⁰ В.А. Маклаков К.Д. Набокову 13/26 ноября 1917 г. № 1151 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д.1727. Л. 165; Ф. 187. Оп. 524. Д.3537. Л. 54.

¹¹ Волков Ф.Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М. 1980. С. 19.

¹² Копия письма бар. Мейендорфа В.П. Вологодскому в Омск от 28 ноября 1918 г. // ГА РФ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 12. Л. 92; Коцебу фон Пилар – К.Д.Набокову 17/30 ноября 1917 № 536 // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д.1727. Л. 55; Демидов Набокову 20 ноября / 3 декабря 1917 г. № 700 // Там же Л.2; К.Д. Набоков В.А. Маклакову 23 ноября/6 декабря 1917 г. № 970 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 90 об.; М.Н. Гирс послу 13/26 ноября 1917 г. № 913; тот же текст Набокову за № 912 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 67 об; АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 111; Лысаковский К.Д. Набокову 23 ноября / 6 декабря 1917 г. № 108 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д.3537. Л. 90 об.; Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 115; К.Д. Набоков послу 19 ноября/ 2 декабря 1917 г. № 959 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537.; Приложении за № 2 к циркулярной телеграмме В.А. Маклакова № 1168 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 58; В.Н. Крупенский В.А. Маклакову 29 ноября 1917 г. № 510, Е.П. Демидов послу 18 ноября / 1 декабря 1917 г. № 695; Г.Г. Бах В.А. Маклакову 18 ноября / 1 декабря 1917 г. б/№ , И.Г. Лорис-Меликов 19 ноября/2 декабря №58, Телеграмму Поклевского –Козел К.Д. Набоков передал в Париж 19 ноября/2 декабря за №958 // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Лл. 78 об, 76.

¹³ М.Н. Гирс – В.А. Маклакову 14/27 ноября 1917 г. № 905 // ГАРФ Ф. 10003 карт 86 Р. 5; АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3537. Л. 58; АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д. 1727. Л. 106.

ими как «элементы порядка»¹⁴. Для происходившего на родине Маклаков предложил некую формулу – образ, который французы с удовольствием повторяли: «это нарыв, который лопается»¹⁵.

Между тем дипломаты продолжили создание негативного образа большевистской России. Осенью 1918 г. М.Н. Гирс нашел возможным поддержать инициативу бюро созданной в Италии русскими *Ligue pour la regeneration de la Russie en union avec les Allies*¹⁶ по вопросу об ответственности большевиков за массовое избиение интеллигенции, которое грозило «нравственным разорением стране»¹⁷. В ноте, переданной 14 сентября / октября союзным правительствам, предлагалось объявить вождей большевизма вне закона и возложить на них личную ответственность за преступления, которые ими совершались под видом борьбы за политические идеалы¹⁸. Посол сообщил содержание документа 30 иностранным посольствам в Риме и циркуляром предложил представителям России последовать его примеру¹⁹. Эта инициатива не имела практических результатов – правительства, сначала нейтральных государств, а потом и держав Согласия отказались лишить большевиков права убежища²⁰, но на имидже новой власти, безусловно, сказалась.

Развивая это направление деятельности, несколькими месяцами позже созданное дипломатами Русское политическое совещание сочло «крайне необходимым сосредоточить в Париже материалы и документы, устанавливающие преступления большевиков». При этом особое значение придавалось достоверности получаемых сведений, для чего в районах, недавно освобожденных от большевиков предлагалось создать следственные комиссии. Члены комиссий (профессиональные юристы), должны были получить права судебных следователей с тем, чтобы протоколы допросов этой коллегии имели силу актов формального предва-

¹⁴ В.А. Маклаков К.Д. Набокову 24 ноября/7 декабря 1917 г. № 1201 (передает телеграмму Эттера № 1056) // АВПРИ. Ф. 184. Оп. 520. Д.1727. Л. 186.

¹⁵ В.А. Маклаков Б.А. Бахметеву 5 апреля 1922г. // Совершенно лично и доверительно!.. Т.2. С. 248.

¹⁶ Обращение подписали три лица, автографы двоих из них удалось расшифровать как Б. Серафимов и Дубягский, третья подпись неразборчива. Оба установленных лица имели отношения к дипломатическому Корпусу и были близки с М.Н. Гирсом. Это позволяет сделать предположение о том, что посол изначально участвовал в разработке этой идеи.

¹⁷ М.Н. Гирс В.А. Маклакову 10 сентября 1918 г. № 86// ГАРФ. Ф. 1003. Картон 86. Рулон 5.

¹⁸ Там же.

¹⁹ см. АВПРИ. Ф.190. Оп. 525. Д. 2538. Л. 1 – 11, 31 – 33, 43 и др..

²⁰ Телеграмма В.А. Маклакова – послу в Рим от 12 сентября 1918 г. ГАРФ. Ф. 1003. Картон 86. Рулон 5.

рительного следствия. Полученные материалы об убийствах, грабежах, разбоях, истязаниях, поругании святынь, так же как и о лишении русского народа завоеванных свобод, как то, закрытие органов печати, разгон городских дум, взятие заложников, аресты без предъявления обвинения, обыски без законного основания, незаконная конфискация имущества и т.д., должны были быть изданы в Париже²¹.

По окончании гражданской войны дипломаты продолжили работу под руководством Совета послов. Учреждение приняло на себя разнообразные заботы по оказанию помощи русским беженцам. Продолжило оно и политическую деятельность. Одной из важнейших считали дипломаты задачу по формированию общественного мнения вокруг русского вопроса. Задача эта распадалась на четыре составляющих:

1. Сбор и анализ информации для себя самих.
2. Передача информации (создание образа Советского государства и, как «вторая сторона медали», небольшевистской России) политикам, государственным и общественным деятелям стран пребывания.
3. Не просто информирование, а создание определенного образа для соотечественников за рубежом.
4. Борьба с существовавшим в некоторых странах негативным образом дореволюционной России.

Оказавшись в стороне от происходивших на родине процессов, эмигранты с напряженным вниманием следили за событиями, которые там разворачивались. В начале 1920-х гг. были созданы Институт изучения России и Экономический кабинет профессора Прокоповича, издававший сначала «Экономический вестник», а затем «Русский экономический сборник». Прокоповичу удалось организовать получение из СССР большого количества периодической печати, на основе которой регулярно составлялись обзоры, становившиеся для читающей эмигрантской публики чуть ли не единственным более или менее адекватным реально сти источником информации о текущих событиях в СССР²².

Один из исследователей Русского Зарубежья отметил: «За эмиграцией сохранялась роль зарубежного наблюдателя, толкователя и внешнеполитического раздражителя»²³. Я бы целиком отнесла этот тезис к деятельности русских дипломатических учреждений в эмиграции.

Дипломаты самым кропотливым образом собирали все поступающие с родины сведения. Источники были самые разнообразные: вновь

²¹ Сазонов – МИД Омск, Дип. Канцелярия Екатеринодар 26 апреля 1919 г. № 810 // Ф 10003. Оп. 2 К. 3.

²² Доронченков. 2001. С.70.

²³ Там же. С. 74.

приехавшие, «вырвавшиеся» из страны беженцы, пошедшие на контакт с эмигрантами совслужащие, вернувшиеся из РСФСР–СССР агенты эмигрантских организаций, иностранцы, посетившие Россию, плюс вся поступающая «оттуда» пресса, брошюры, книги. Результат получался разный. Трезвое аналитическое мышление дипломатов чаще легко отделяло «зерна от плевел». Так, в марте 1923 г. Василий Николаевич Шtrandтман писал из Белграда: «За последнее время относительно России у меня складываются несколько менее мрачные впечатления. Не подлежит, конечно, сомнению, что там происходит и даже довольно быстрое приспособление к новым условиям жизни, но так как соответственно сему растут и запросы к захватчикам власти, удовлетворить которое они не могут, то положение становится все менее терпимым, порождая громадное недовольство в крепнущих слоях населения. В среде заправил, согласно имеющимся здесь, по-видимому довольно серьезным сведениям, существует острый раскол в значительной мере основанный на юдофобстве, постепенно народившемся и все усиливающимся у русской части комиссаров. Противная последним сторона считает положение настолько критическим, что видит выход только путем достижения какого-нибудь национального для России успеха, например, победоносной войны с Польшей, способной снова объединить расплывающуюся коммунистическую партию. Вместе с тем – первое юдофобствующее крыло коммунистов тоже не прочь начать войну, считая, что в конечном результате она даст им возможность единолично взять власть и быть может, выйти на новую дорогу»²⁴. Продолжая тему еврейского засилья, он пишет со слов серба, посетившего Россию: «Вся жизнь городов в еврейских руках. Всё русское в лохмотьях, все еврейское в шелку. На воскресных и праздничных гуляниях – 90% евреев. В школах цензом является еврейское происхождение или пролетарское состояние, поэтому в учебных заведениях более 50% евреев»²⁵. Впрочем, он сетовал на то, что рассказы лиц, приезжающих из России, будучи очень интересными с обывательской точки зрения, в политическом отношении редко дают какой-либо ценный материал. Причину он видел в «конспиративности» власти и паническом страхе за жизнь людей, что и способного наблюдателя лишает возможности сделать глубокий анализ.

Из впечатлений собеседников ему показались интересными сообщения дамы из Петрограда, рассказавшей о том, что сколько бы человек

²⁴ В.Н. Шtrandтман М.Н. Гирсу 18 марта 1923 г. Личное // Русский архив университета Лидса (далее – РАЛ). фонд Земгора, дипломатический архив. Вох 15.

²⁵ В.Н. Шtrandтман М.Н. Гирсу 6 августа 1923 г. Личное // РАЛ фонд Земгора, дипломатический архив. Вох 15.

ныне в России не обогащался, а к обогащению возможности имеются, он не уверен в завтрашнем дне, и что громадное количество школ, на содержание коих власть никаких средств не отпускает, прикомандировываются к игорным домам, и известный % дохода с них идет в пользу соответствующей школы²⁶. Тему образования в советской России поддержал и сербский информатор: он считал, что школы в ужасном состоянии. «Преподают только утилитарные науки, исключено все, что касается религии, философии, морали». Кроме того, он в самых мрачных красках описал положение русских женщин из хороших семей и молодых девушек: «Стараются они все пристроиться при иностранных миссиях, но и это для них трагедия. Выходят они замуж за комиссаров, но семьи теперь в России в нашем смысле этого слова нет: сегодня женился, завтра развелся, послезавтра опять женился и т.д.»²⁷

Собранные в разных странах данные, при всей их неполноте и неточности²⁸, сообщались в Париж, здесь анализировались и при подготовке «Информационного бюллетеня» (выходил, вероятно, с начала 20-х гг.) дополняли сведения, почерпнутые из статистических сборников, газет и журналов, выходивших в СССР. Удивительно, но до сих пор этот материал не только не введен в научный оборот, но и не выявлен, хотя мы располагаем положительным свидетельством о его регулярном издании. Автору данной статьи удалось найти в Русском архиве университета г. Лиде несколько выпусков издававшихся в Париже документов с таким названием, относящихся к 1927 г. Я не возьму на себя смелость утверждать, что это именно те бюллетени Совета послов. Удивительно, что ни в каких других хранилищах, ни в фондах самих дипломатов, где часто встречаются копии направленных в Париж донесений коллег, другие информационные материалы, эти документы не встречаются. С другой стороны, в пользу того, что эти тексты вышли из-под пера сотрудников Совета послов говорит и название, и место издания, само содержание выпусков, ничем не противоречащее взглядам русских меньшевистских дипломатов этого периода. Поиск других организаций, которым можно было бы приписать издание этих документов, также не привел к положительному результату. Поэтому у нас есть основания, пока предварительно и условно, принять эти материалы как Бюллетени Совета послов.

²⁶ В.Н. Шграндтман М.Н. Гирсу 18 марта 1923 г. Личное // Там же.

²⁷ В.Н. Шграндтман М.Н. Гирсу 6 августа 1923 г. Личное // Там же.

²⁸ Представитель Совета послов в Хельсинки Фену признавал неполноту и малую ценность получаемых его сотрудниками материалов сравнительно с выходившими в Париже бюллетенями (А.Н. Фену М.Н. Гирсу 10 апреля 1924 г. № 241 // Государственный Архив Финляндии ЕК – Valpoi XXI A2e–XXIA2f. № 2827.

Надо признать, что к выстраиванию образа России авторы этих документов подходили чрезвычайно ответственно, не допуская огульной критики и опираясь на широкий круг советских периодических изданий («Известия», «Комсомольская правда», «Беднота», «Красная звезда», «Северная правда», «Листок Юнкора», «Рабочая газета»), впечатлений от личных бесед с недавно приехавшими из страны лицами. Яркие, но непроверенные факты, которые, случалось, передавали в центр главы миссий, насколько можно судить из попавших в наши руки материалов, в тексты не помещались. Регулярно (не реже раза в месяц) выпускавшиеся бюллетени характеризуются спокойным, взвешенным тоном изложения недостатков советской действительности – положительных сдвигов они практически не отмечали. Каждый выпуск посвящен одной или нескольким темам, исследование которых ведется скрупулезно, с приведением цитат и статистического материала. Объем выпуска – 15-20 убористых машинописных страниц. В 1927 г. они были посвящены анализу IV-го всесоюзного съезда советов, военизации молодежи, политике советского государства в области сельского хозяйства. Кроме того, в одном из выпусков приводились сведения, полученные от приезжающих из СССР соотечественников. Это очень интересный материал, дающий представление о том, как видели жизнь в СССР интеллектуальные круги эмиграции, что они могли транслировать своим партнерам.

Анонимные авторы анализов отказывали Советской России в праве называться демократической страной, рисуя облик террористического государства, ненавистного населению, однако, довольно прочного благодаря тому, что «весь аппарат власти в их руках». «Обслуживает этот аппарат, – продолжал аналитик, – до пяти миллионов советских служащих, всецело зависящих от своего начальства». «Спеццы», пошедшие на службу Советам, считают себя замаранными и опасаются возмездия со стороны «национальной» власти²⁹.

Анализируя созданную в СССР политическую систему, авторы указывали на то, что съезды Верховного совета – это искусная декорация правления партии³⁰. В качестве аргументов приводились, с одной стороны, увеличение числа тех, кто был лишен права участвовать в выборах³¹, с другой, избрание в законодательный орган лиц не только неграмотных,

²⁹ Информационный бюллетень № 104 от 26 сентября 1927 г. // РАЛ. фонд Земгора, дипломатический архив. Вох 13.

³⁰ Информационный бюллетень № 101 от 11 июля 1927 г. // Там же.

³¹ Подразумевались результаты нового ужесточения положений о лишении избирательных прав по инструкции от 28 сентября 1926 г. Аналитик писал о двукратном увеличении количества лишенцев, что, конечно, было преувеличением.

но и вообще не знающих русского языка; поражало аналитика и единодушные делегатов по всем постановлениям съезда после прений, в которых высказывалось большое количество жалоб и претензий. Составитель обращал внимание на то, что в повестке дня Сессии Верховного совета не стояли вопросы обсуждения избирательного права, а также доклада о положении финансов в стране. Станным на десятом году советской власти показался автору поставленный председателем Совета народных комиссаров А.И. Рыковым вопрос о том, какой путь ведет к социализму. «Какой же тогда строй в Союзе Советских Республик?», – спрашивал он.

На цифрах, с приведением цитат из советских изданий и материалов статистических сборников указывалось на бедственное положение страны: неэффективность планового управления, износ промышленного оборудования, обновление и ремонт которого не производился с довоенного времени, плачевное состояние жилищного фонда, проблемы транспорта, неправильное соотношение цен между промышленностью и сельским хозяйством, малый рост производительности труда и посевных площадей, относительное перенаселение деревни, вызванное, в том числе, и возвращением к земле безработных индустриальных рабочих. В бюллетене подчеркивалось, что советские лидеры сами видели, что дошли до черты, которая не позволяла двигаться, развиваться, просто продолжать жить, как прежде, без серьезных изменений, и искали спасения в индустриализации промышленности и коллективизации сельского хозяйства. Однако автор статьи полагал, что поднять промышленность СССР на новый уровень невозможно без помощи капиталистических стран.

Специальный номер бюллетеня был посвящен упадку в сельском хозяйстве. Автор выделил три периода аграрной революции в России после 1917 г. В результате первого, связанного с «черным переделом», по его мнению, первое, сельское хозяйство понесло огромный материальный ущерб. Второе, главной массой пострадавших от передела были крестьянские хозяйства (приблизительно 4-5 млн. дворов). Третье, результатом политики, проводившейся в первые годы советской власти, стало «уравнение крестьянских хозяйств в общей нищете». Причем процессы обнищания продолжались и дальше за счет дробления крестьянских хозяйств, лишения их существовавших до революции заработков, получаемых при работе в помещичьих хозяйствах, борьбы государства с кустарными промыслами. Начало второго этапа автор связывал с введением в стране НЭП. Однако он отказывал ей в положительном воздействии на сельское хозяйство, объясняя это тем, что государство, первое, продолжало выкачивать из деревни средства на содержание госаппарата и промышленности; второе, вело на селе двойственную политику, декларируя одни меры

и сохраняя при этом на местах практику первых лет советской власти и, третье, стремилось командовать производственной деятельностью крестьян. Третий этап начался в 1925 г. Заметный рост сельского хозяйства в стране опирался, по мнению аналитика, на уступки правительства мелкобуржуазной деревне. Однако от него не укрылось, что никаких гарантий на будущее те, кто этот рост обеспечил, не получили³².

Безрадостную картину рисовали бюллетени и в сфере духовной жизни страны. На основе данных советской прессы они отмечали озлобленность, аморальность городов, где только при помощи ГПУ удавалось поддерживать порядок, повсеместный рост национализма и антисемитизма; мещанство и хулиганство в рядах ставшего массовой организацией комсомола. В целом получалась картина захлестнувшего страну разгула, сдерживаемого пассивностью населения и органами принуждения. Автор обзора показывал, что коммунисты стремились использовать угрозу войны, чтобы сплотить вокруг себя население и особенно молодежь, а вовлечение молодежи в военную игру, имело целью «дисциплинировать и направить ее силы по желательному им (большевикам – *Е.М.*) руслу»³³.

Эмиграцию чрезвычайно заботил вопрос о сопротивлении режиму внутри страны, тем более, чем яснее становилось, что победить большевизм извне не получится и надеяться можно только на взрыв изнутри. В 1922 г. Бахметев свои надежды облек в следующий образ: «Большевизм – скорлупа, на внешний вид твердая. Такою представляется для неискушенного обозревателя большевистская власть. ...Для такого жителя яйцо есть неодушевленный предмет, камень. Он не может охватить и принять чуда развития новой жизни внутри скорлупы; жизни, которая в известный момент освобождается от стеснявших ее преград и кладет начало бытия цыпленка. Цыпленок – это новая Россия, складывающаяся в недрах большевистского строя»³⁴. Идея красивая, но со временем выяснится – совершенно умозрительная. В одном из бюллетеней 1927 г. прямо говорится о невозможности политической борьбы в России, об отсутствии реальной оппозиции. Автор обзора указывает на то, что в стране не существует «центра и центростремительной силы» при чрезвычайной опеке спецслужб и опасности любой конспиративной деятельности³⁵.

³² Информационный бюллетень № 110 от 8 февраля 1927 г. // РАЛ. Фонд Земгора, дипломатический архив. Вох 13.

³³ Информационный бюллетень № 104 от 26 сентября 1927 г. // Там же.

³⁴ Б.А. Бахметев В.А. Маклакову 23 марта 1922 г. // Совершенно лично и доверительно!.. Т. 2. С. 221.

³⁵ Информационный бюллетень № 104 от 26 сентября 1927 г. // РАЛ. Фонд Земгора, дипломатический архив. Вох 13.

Приводились в бюллетенях и сообщения, отзывы советских людей, или тех, кто недавно посетил страну. Их впечатления рисовали страшную картину смирения населения с существующими обстоятельствами, апатию, смену ориентиров: «Морально живется в СССР очень тяжело, испытываем такой же гнет, как и раньше, но в материальном отношении, по сравнению с 1918–1920 гг., стало лучше. Многие уже изжили. Раздетые на улицах почти не встречаются, жалуемся на тесноту, стремимся к отдельной комнате или квартире, жить по 20 человек в одной комнате не согласны. Сыты». Этой картине соответствовал и облик советского человека, такой, каким его видели эмигранты. Для них выехавшие или бежавшие за рубеж были наделены некой суммой общих признаков: «Сухощавые, молодые... Славянские лица, но взгляд пристальный, упорный. Отвечают фразами сжатыми, без лишних слов. И совершенно не зная друг друга, давали оценку некоторым явлениям до поразительности одинаковыми словами»³⁶.

Продолжавшие свою деятельность за рубежом русские неболевистские дипломаты широко использовали методы информационной борьбы, стремясь затормозить процессы развития экономических отношений с Советской Россией, признания ее правительства международным сообществом. Они активно сотрудничали с прессой стран пребывания³⁷, через личные контакты стремились воздействовать на политиков. «...Для нас здесь пульс прессы и общественное мнение, и настроения ответственных кругов являются объектом непосредственного попечения и воздействия», писал из США Б.А.Бахметев³⁸.

Деятельность дипломатов на местах находила одобрение и поддержку парижского центра. С начала 1922 г., по распоряжению руководителя Совета послов в Париже, из стекавшихся туда материалов о положении и политике Советской России стали готовить информационные сводки, которые в дальнейшем использовались для агитационной работы в разных странах³⁹. Из Рима приходили сообщения, что многое из подготовленных в Париже текстов использовалось в статьях, которые писали сам представитель Совета послов и бывший консул России в Риме. Газеты их печатали охотно, без сокращений.

³⁶ Там же.

³⁷ И.А. Персиани М.Н. Гирсу 26 декабря/21 января 1922 г. // Лидс, фонд Земгора, дипломатический архив. Вох 15.

³⁸ Б.А. Бахметев В.А. Маклакову 23 марта 1922г. // Совершенно лично и доверительно!.. Т. 2. С. 217.

³⁹ М.Н. Гирс И.А. Персиани 20 января/2 февраля 1922 г. №53, 11/23 октября 1922 г. №75// РАЛ Фонд Земгора, дипломатический архив. Вох 15.

Дипломаты не просто старались публиковать как можно больше, использовать каждый благоприятный повод и момент для своей пропаганды⁴⁰, но и тщательно выбирали время, когда их обращения могли иметь наибольший резонанс⁴¹. Несколько лет спустя Е.В. Саблин в одном из донесений развивал эту идею. Он предложил на основе статей в журнале «Россия и славянство» создать информационные бюллетени для иностранцев, разъясняя им сущность советской экономики и публиковать меморандумы, подготовленные в соответствии с характером той страны, где они издаются, ибо «то, что можно преподнести французской публике, нельзя дать англичанам»⁴².

Представители Совета послов старались не упустить ни одного шанса использовать личные контакты с политиками, коллегами по дипкорпусу, журналистами для своей пропагандистской работы. В одном из своих донесений возглавлявший представительство Совета послов в Риме Персиани рассказывал, как прочел «маленькую речь в духе нашей антибольшевистской пропаганды, и пообещал предоставить статистические материалы» зашедшему к нему по делу бывшему корреспонденту Таймс, получившему пост в английском посольстве в Риме⁴³. Активно работал в этом направлении и И.Н. Ефремов в Швейцарии, особенно в преддверии генуэзской конференции. Французскому, бельгийскому, португальскому и сербскому представителям он подчеркивал опасность немецкого экономического, а ним и политического господства в России. Всем своим собеседникам он указывал на симптомы ослабления советского правительства, вынужденного идти на уступки, на намечающуюся организованность общества в России и на безвыходность экономического положения советского правительства, а, следовательно, на «несвоевременность сношений с ним, которые не могут не укрепить его временно и не продлить его агонию»⁴⁴. Американскому посланнику Иван Николаевич внушал, что советская власть держится только упразднением всех прав русских граждан⁴⁵. Надо сказать, эта агитация падала на

⁴⁰ И.А. Персиани Алексею Федоровичу (Шебунину?) 2/15 января 1923 г. № 86 // РАЛ Фонд Земгора, дипломатический архив. Вох 15. (6, al 476).

⁴¹ И.А. Персиани М.Н. Гирсу 20 января / 2 февраля 1922 г. // Там же.

⁴² Е.В. Саблин Г.П. Струве 29 мая 1930 г. Архив Гуверовского института. Колл. П.Б. Струве Кор. 35. Ф. 7. Цит по *Казнина*. 2001.

⁴³ И.А. Персиани М.Н. Гирсу 7/20 июля 1922 г. // РАЛ Фонд Земгора, дипломатический архив. Вох 15.

⁴⁴ И.Н. Ефремов М.Н. Гирсу 10 января 1922 г. № 28 // ГАРФ. Ф. 5760. ОП. 1. Д. 18. Л. 32-33.

⁴⁵ И.Н. Ефремов М.Н. Гирсу 17 ноября 1921 г. № 920 // ГАРФ. Ф. 5760. ОП. 1. Д. 18. Л. 12.

благодарную почву. Коллеги по дипломатическому корпусу благодарили и передавали полученную информацию своим правительствам⁴⁶.

Однако, сохраняя свои позиции де факто, русские дипломаты далеко не всегда могли действовать гласно, напрямую и под своим именем, поэтому и отследить их усилия, оценить их результативность зачастую весьма затруднительно. Найденное нами донесение И.А. Персиани (Рим) позволяет познакомиться с этой скрытой от посторонних глаз работой. Так, в мае 1921 г. он рассказывал М.Н. Гирсу, как по просьбе одного французского корреспондента написал статью, доказывающую необходимость в собственных интересах союзников искоренить большевизм. Этим материалом заинтересовались американцы. Один экземпляр он передал журналисту Коспорту, другой – советнику посольства Гентеру. Однако, отдавая себе отчет в том, что обстоятельства момента не позволяют представителю Совета Послов от своего имени публично утверждать, что немцы поддерживают большевизм, как и выступать против «мелких государственных новообразований на русской территории», он предоставил им пользоваться его аргументацией, прося не упоминать ее источника⁴⁷.

Активно в этом направлении действовал и Е.В. Саблин в Лондоне. Со времен гражданской войны он взял себе за правило отзываться на все русские проблемы в английской прессе. Его умение быть убедительным, великолепное знание языка и информированность сделали его со временем неизменным консультантом английского правительства по всем вновь возникавшим русским проблемам. В 1939 г. Саблин писал о сложившейся практике своей работы: «Надо ведь знать англичан, которые на такого рода возникающие вопросы смотрят весьма упрощенно: украинский вопрос, напишем в бывшее русское посольство, там имеется некий Саблин, он ответит и разъяснит, составит меморандум и т.д. Я это и делаю... И мне приходится твердить азы англичанам, разъяснять им, рекомендовать им те или другие исторические сочинения на их же собственном языке. Но, кроме того, мои соотечественники звонят мне и говорят: “Читали ли Вы, что пишет такая и такая газета об украинском вопросе, необходимо реагировать, необходимо протестовать и т.д.”. И мне приходится в большинстве случаев писать, опровергать, протестовать и т.д... Завтра я сдаю в печать мою брошюру на ту же тему на английском языке. Мне предстоит делать доклад на английском языке на ту же тему»⁴⁸.

⁴⁶ И.Н. Ефремов М.Н. Гирсу 10 января 1922 г. № 28 // Там же. Л. 32-33.

⁴⁷ И.А. Персиани М.Н. Гирсу 13 мая / 26 июня 1921 г. // РАЛ. Фонд Земгора, дипломатический архив. Вох 15.

⁴⁸ Е.В. Саблин С.В. Жуковскому 12 февраля 1939 г. // Чему свидетели мы были... Кн. 2. С. 175-176.

Введение в марте 1921 г. в СССР новой экономической политики дало импульс пересмотру западными державами своего отношения к стране Советов. В этот период во Франции дается «зеленый свет» публикациям общественных деятелей, посетивших Советскую Россию. Большевики же, в свою очередь, осознав необходимость создания положительного образа страны на мировой арене, тщательно опекали визитеров, показывая исключительно достижения, не давая им заметить негативные стороны российской действительности. Одним из таких путешественников стал лидер партии радикал-социалистов Эррио, которого нельзя было заподозрить в том, что он просто куплен. Со всем жаром неопита после поездки в СССР он превозносил проходящие там преобразования. Французское правительство не препятствовало ему даже в критике Клемансо, который, по его мнению, своей глупой политикой «оттолкнул большевиков, которыми можно было управлять, как угодно, и которых можно и сейчас приручить»⁴⁹. Маклаков ринулся в бой, стремясь разоблачить враждебную пропаганду, но крупные французские газеты отказывались публиковать опровержения русских антибольшевиков. Тогда он написал Эррио письмо, в котором старался поставить его «au pied du mur» и просил о личной встрече, настаивая, что долг публициста – выслушать и другую сторону⁵⁰. Василий Алексеевич посетил публичный доклад Эррио, настоял на проведении по нему прений, добился опубликования большой статьи в *Mercur de France*⁵¹. Его личная оценка перемен, происходивших на родине, была неутешительна, предложенный ранее образ в виде «лопающегося нарыва» он сменил на «гангрену, распространяющуюся на весь организм»⁵².

Уже с начала 1922 г. Маклаков в Париже сетовал на то, что французы «в силу свойственной им подозрительности не говорят ни с кем из нас или, вернее, никому из нас не верят...»⁵³ Ему вторил Персиани из Рима, жалуясь на то, как трудно добиться разговоров с политическими деятелями, они обещают свидания и уклоняются от них, с недоверием относятся к словам старых русских дипломатов. Он с горечью констатировал, как мало с ним и его коллегами стали считаться⁵⁴. Действительно, иностранцы, отдавая себе отчет в том, что эмигранты не могут составить верную

⁴⁹ В.А. Маклаков Б.А. Бахметеву 2 ноября 1922 г. // Совершенно лично и доверительно!.. Т. 2. С. 346.

⁵⁰ Там же. С. 348.

⁵¹ В.А. Маклаков Б.А. Бахметеву 10 ноября 1922 г. // Там же. С. 353-354.

⁵² В.А. Маклаков Б.А. Бахметеву 5 апреля 1922г. // Там же. С. 248.

⁵³ Там же.

⁵⁴ И.А. Персиани М.Н. Гирсу 20января / 2 февраля; 7/20 июля 1922 г. // РАЛ. Фонд Земгора, дипломатический архив. Вох 15.

картину происходящего на родине⁵⁵, и имея в виду их пристрастность⁵⁶ все более скептически относились к их пропаганде. О том, как трудно становится размещать свои статьи в прессе писали в это время и Маклаков, и Персиани⁵⁷. Однако Совет послов не сдавался, изыскивая в изменившейся ситуации новые пути воздействия на имеющие влияние круги. Высоко оценив изданную в Париже группой русских банков брошюру об экономической политике Москвы, Персиани предлагал распространить ее во влиятельных итальянских торгово-промышленных кругах, но сделать это не от лица посольства, мнение которого деловые люди считали излишне ангажированным, а от русского бизнесмена – итальянскому коллеге при сопроводительном письме частного характера. На себя в этой кампании, Персиани взял подготовку списка наиболее влиятельных итальянских бизнесменов. «...Подобная пропаганда, без сомнения, гораздо полезнее, – писал он, – чем десятки статей, которые я поместил бы в газетах. А в нашем положении надо играть на всех струнах, не упуская ничего, что имеет малейшие шансы на успех»⁵⁸.

Старые русские дипломаты, оставаясь патриотами России и считая, что власть большевиков все же явление временное, с напряжением следили за положением страны на международной арене, за внешнеполитическими акциями нового правительства, имея в виду, что страну надо сохранить до ее возврата к нормальному существованию.

Уже в 1922 г. Совет послов был озабочен первым внешнеполитическим экзаменом, который предстояло выдержать их политическим оппонентам. Смогут ли и захотят ли новые правители России защищать национальные интересы страны или пожертвуют ими в угоду теории мировой революции? Анализируя положение перед генуэзской конференцией, Маклаков и Бахметев опасались, что «большевики примут капитуляционный режим и предоставят иностранцам права, которых лишены русские»⁵⁹. После скрупулезного обсуждения они все же пришли к выводу, что советская делегация будет защищать страну⁶⁰, и искренне радовались ее победам на международном форуме. Это был первый шаг

⁵⁵ В.А. Маклаков Е.В. Саблину 12марта 1935 г. // РАЛ. Фонд Земгора, дипломатический архив. Вох. 12.

⁵⁶ И.А. Персиани М.Н. Гирсу 22 декабря 1922 / 4 января 1923 г. № 86 // РАЛ. Фонд Земгора, дипломатический архив. Вох 15.

⁵⁷ И.А. Персиани М.Н. Гирсу 7/20 июля, 22 декабря / 4 января 1922 г. // Там же.

⁵⁸ И.А. Персиани Алексею Федоровичу (Шебунину) 24 ноября / 7 декабря 1922 г. // Там же.

⁵⁹ Б.А. Бахметев В.А. Маклакову 23 марта 1922 г. // Совершенно лично и доверительно!.. Т. 2. С. 219.

⁶⁰ Там же. С. 219-220.

на пути коррекции представлений русской дипломатии о Советской России и правящей в ней партии.

В 1930-х гг. происходят уже существенные подвижки в том образе Советской России, который дипломаты транслировали на иностранцев. Это было связано, с одной стороны, с тем, что безусловные успехи советской индустриализации, изменения во внешней политике страны не могли пройти мимо их внимания, делая картину многогранной и лишая ее однозначности «империи зла». С другой, более сдержанными в критике их заставляли быть замеченные ими за рубежом тенденции решить мировые проблемы за счет их родины. Саблин писал по этому поводу, что Россию в мире «начинают рассматривать как некое выморочное имущество». Доказательства тому он видел в «предвосхищениях Танаки⁶¹, с одной стороны», Гитлера, с другой, и в предложении лорда Ротермира, «устроить и успокоить Европу за счет территории России», растиражированным «Дэйли мэйл», в количестве 2.750.000 экземпляров, с третьей⁶².

Дипломаты видели свой долг в защите страны, главным для себя полагали сохранение «целостности империи» и в этой связи даже опасались преждевременного падения режима. Это заставляло их быть осторожнее в критике Советской России и приводило к поддержке отдельных действий ее правительства. Они по-прежнему оценивали советскую власть как «деспотический режим», при котором «страной правит кучка социальных экспериментаторов», главной задачей которых является «удержать всю полноту власти и, в частности, сохранить за собой право распоряжения всем народным доходом»⁶³. Подчеркивали, что лучше жить в Советской России стал только вновь образованный правящий класс, а многомиллионные трудящиеся массы, к которым власть относилась с величайшим недоверием, эксплуатируются при помощи государственного аппарата принуждения в докапиталистических формах⁶⁴. Не доверяли официальным восторгам советской пропаганды по поводу успехов экономического развития страны, они видели обратную сторону этих побед. Саблин в 1935 г. писал: «В России все идет из рук вон плохо. Все государственные предприятия приносят убытки, которые покрываются усиленными поборами с крестьян, у которых отняли и

⁶¹ По-видимому, речь идет о так называемом Меморандуме Танаки, согласно которому для достижения мирового господства Япония должна была завоевать вначале Маньчжурию и Монголию, а впоследствии и весь Китай. Однако подлинность документа в те годы подвергалась сомнению.

⁶² Е.В. Саблин, Прошу инструкций // Последние новости, 20 декабря 1933 г. № 4655.

⁶³ *Базилли*. 1937. С. 352-354.

⁶⁴ Там же, С. 352.

землю, и волю, и хлеб, и мирное житие. Признания Кагановича свидетельствуют о том бедламе, который творится на железнодорожных путях... Днепрострой и Беломорский канал бездействуют... Магнитогорский и Кузнецкий бассейн работают с большими перебоями... всюду неисправности, хищения, злоупотребления, неразбериха»⁶⁵.

Те же тенденции в сфере образования отмечал автор монографии, о Советской системе – карьерный дипломат Н.А. Базили. Он признавал, что, в тридцатые годы поток просвещения шире, чем раньше, разлился по стране, указывал на то, что при этом он сильно обмелел в связи с резким снижением уровня преподаваемых знаний; что к общему упрощению русской культуры ведет сковывание советской властью критической мысли, без которой невозможна подлинно широкая культура духа. Сводя состояние культуры в СССР к образу грандиозной духовной тюрьмы, жизнь в которой отличалась «блеклым тоном, бледным, провинциальным, монотонным обликом», Базили причину столь безрадостной, по сравнению с прежней многокрасочностью русской культуры, картины видел в сохранении диамата, марксизма, осложненных и видоизмененных «ленинизмом» и «сталинизмом», в качестве официальной, обязательной религии СССР⁶⁶. Базили с горечью констатировал, что «Советский деспотизм, в принципе отрицающий свободу человеческой личности и отвергающий основные начала подлинного демократического строя, порвал с ясно наметившимся во второй половине XIX века развитием в направлении свободы и демократии»⁶⁷.

Однако Саблин в беседах с англичанами опровергал информацию, что «Россия ныне управляется бандой жуликов, убийц и бандитов; столь же категорически говорил, что Россия не во власти жидов»⁶⁸.

Неоднозначное отношение вызывало и то, что с течением времени правящая группировка превратилась в слепых исполнителей директив всемогущего диктатора Сталина⁶⁹. Внимательные наблюдатели понимали, что в середине 30-х гг. основной целью Сталина стало удержание власти, видели, что ради этого он готов идти на уступки, которые представляются в данный момент необходимыми. Саблин указывал на то, что Сталин далеко ушел от одержимости марксизмом 1917 года и ведет «исключительно оппортунистическую политику», подводя под термин

⁶⁵ Е.В. Саблин В.А. Маклакову 4 марта 1935 г. // Чему свидетели мы были... Кн. 1. С. 250.

⁶⁶ Базили. 1937. С. 359-360.

⁶⁷ Там же, С. 356.

⁶⁸ Е.В. Саблин В.А. Маклакову 6 марта 1935 г. С. 254.

⁶⁹ Базили. 1937. С. 352-354.

«социалистический», все, что ему угодно⁷⁰. Нисколько не идеализируя хозяина Кремля, дипломаты считали его, тем не менее, на тот момент единственным гарантом сохранения территории страны⁷¹. И в этой связи оказывались лицом к лицу с серьезнейшими моральными проблемами. В.А. Маклаков писал в 1940 г.: «Пока эту целость (России – Е.М.) сохраняет Сталин. Должен ли я желать многих лет здравствования этому господину? Или я должен поощрять происки избавления от Сталина путем отрыва с российского тела его составных частей?»⁷². Разделяя взгляды коллеги, Е.В. Саблин шел еще дальше: «Я принадлежу к числу тех соотечественников, которые полагают, что целость России выше всего, и что как бы ни было страшно за всех тех, которые там, во имя высших интересов государства Российского, на службе которого я находился по дипломатическому ведомству, следует предпочесть власть Сталина всяким другим экспериментам над нашим отечеством»⁷³.

Русские дипломаты на всем протяжении противостояния с советской властью одним из главных ее пороков считали ее антинациональный характер. Однако во второй половине 30-х гг. в качестве нового явления в идеологии большевиков Базили отмечал то, что «продолжающиеся социальные эксперименты и свой деспотический режим советская власть усердно пытается... облечь в русский исторический костюм, сочетать с преклонением перед творческим гением русского народа»⁷⁴. Определенные надежды на поворот в советской внешней политике Саблин возлагал на ее отход от коминтерновской практики. Ему явно импонировал вывод младоросов о том, что в Москве «Коминтерн рассматривается ныне как паразит, который стоит много денег... и служит лишь к созданию Советскому Союзу осложнений с другими правительствами»⁷⁵, что позволяло надеяться, что в политике Кремля в дальнейшем достойное место займет решение национальных задач.

⁷⁰ Е.В. Саблин В.А. Маклакову 6 марта 1935 г. С. 257.

⁷¹ Сходные мысли высказывал и Бердяев в книге, подготовленной в середине 30-х гг.: «Идеологически я отношусь отрицательно к советской власти. Эта власть, запятнавшая себя жестокостью и бесчеловечием, вся в крови, она держит народ в страшных тисках. Но в данную минуту это единственная власть, выполняющая хоть какую-нибудь защиту родины от грозящих ей опасностей. Внезапное падение советской власти, без существования организованной силы, которая способна была бы прийти к власти не для контрреволюции, а для творческого развития, исходящего из социальных результатов революции, представляла бы даже опасность для России и грозила бы анархией». (Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 120):

⁷² Е.В. Саблин В.А. Маклакову 12 февраля 1940 г. С. 305.

⁷³ Е.В. Саблин В.А. Маклакову 25 апреля 1940 г. С. 356.

⁷⁴ Там же. С. 363.

⁷⁵ Е.В. Саблин В.А. Маклакову 6 марта 1935 г. С. 254.

Саблин считал спорным представление об эволюции советской системы, но призывал считаться с тем, что изменения идут постоянно, и потому в этом отношении допустим «неискренний оппортунизм»⁷⁶. Он призывал не игнорировать даже несущественные перемены, не утверждать, что политика Сталина осталась та же, что и 10 лет назад, и смело признавать перед иностранцами все перемены, идущие постепенно в России. Его не удовлетворял тон эмигрантской пропаганды, делавшей акценты на неизменной агрессивности советского правительства. Он не одобрял деятельность князя С.Е. Трубецкого, приславшего ему несколько переводов статей, заявлений и речей советских деятелей, из которых явствовало, что большевики «продолжают в том же духе» возвещать свои революционные намерения опрокинуть весь мир, образовать повсюду советские республики и натравливают пролетариат на ненавистных буржуев, с которыми они, однако, в своекорыстных и зловредных целях, заключают всевозможнейшие пакты о ненападении, и просто пакты⁷⁷.

Сам он в середине 1930-х внушал англичанам, что возврат России к монархии уже невозможен и, так как «извне большевиков не опрокинуть, эмиграция в этом отношении бессильна, остается надеяться, что большевистский режим изживет себя путем медленной эволюции» и видел в советском строе «странную смесь коммунизма с фашизмом».

Совет послов в лице его ведущих деятелей поддержал присоединение к СССР Прибалтики, Западной Украины и Молдавии. В действиях Кремля им чудилось возрождение империи. В начале июня 1941 г. Саблин внушал публицисту *Manchester Guardian*, писавшему о России, что России без своих прежних границ не обойтись, что ей «необходим Персидский Азербайджан, Каспийское море, Персия должна быть почти наша, так же как и Финляндия. Выход к Персидскому заливу должен быть нам обеспечен, также как и особое соглашение о Дарданеллах»⁷⁸. Нет ничего удивительного, что десятью днями позже нападение гитлеровской Германии на СССР прекратило для него болезненный разрыв России надвое. Концепции двух Росий пришел конец. Отставив в сторону вражду с двадцатилетней историей, оставшийся на посту в Англии Е.В. Саблин, прекратил всякую критику ведшего кровопролитную войну СССР и даже стал оказывать помощь советскому посольству в тех случаях, участие в которых не противоречило его совести.

В деятельности дипломатов по созданию на Западе образа России, как мы отмечали ранее, была и еще одна сторона, а именно борьба против

⁷⁶ Там же. С. 257.

⁷⁷ Там же. С. 254, 256-257.

⁷⁸ *Казнина*. 2001.

искаженных представлений о России дореволюционной. На протяжении всего межвоенного периода дипломаты боролись и с бытовавшими в странах западной Европы и Америке порой дикими представлениями о России, которые предлагала официальная пропаганда или кинематограф, в частности, голливудские фильмы. Е.В. Саблин яростно отстаивал доброе имя старой России, старательно работая над освобождением английского общественного мнения от образа русского «царизма» как синонима произвола, жестокости, тирании... Так, на встреченное им в статье молодого публициста «Таймс» сопоставление ГПУ с «террористической полицией царских времен» он отозвался письмом в редакцию и целому ряду английских политических деятелей. В них он напоминал о процессе в связи с убийством императора Александра II, суде над Верой Засулич, о выступлениях Владимира Соловьева и Льва Толстого, «угovarивавших Александра III не предавать смертной казни убийц своего отца», за что ни один из них серьезным карам не подвергся. Лучшим доказательством отсутствия «терроризма» в системе старой полиции он считал находящийся у власти большевистский эстаблишмент, не расстрелянный без суда в свое время, а ссылавшийся по суду в Сибирь, откуда «политкасторжане» благополучно бежали. Заканчивал он письма указанием на то, что советская власть учла предыдущий опыт и либо расстреливает неугодных лиц, либо ссылает их в такие места, откуда возврата уже нет⁷⁹.

Касаясь вопроса кинематографа, Е.В. Саблин с болью констатировал, что, затрагивая русские сюжеты, как авторы, так и режиссеры, давали «более чем разнузданную волю своему воображению об ужасах «царизма», о беспутстве «принцев», о жестокости казаков, о подкупности чиновников и т.п.»⁸⁰. Пересказывая сюжет просмотренного голливудского фильма, он отмечал невероятное нагромождение «клюквы». В фильме речь шла о русской принцессе по имени Саския, бежавшей после октябрьской революции из России в Польшу с коронными драгоценностями, ...умещавшимися в одном кошельке. Ее преследуют большевики во главе с, судя по гриму, Лениным, после нападения которых на замок, действие было перенесено в Шотландию, где большевики держали русскую принцессу, днем и ночью одетую в бальные платья и большое количество драгоценностей, в замке. Охраняющие ее «соотечественники» потребляли в огромных количествах... не водку и не виски, а кьянти, и демонстрировали «целую гамму армяков, зипунов, тулупов, косовороток, красных

⁷⁹ Е.В. Саблин В.А. Маклакову 12 января 1935 г. // РАЛ. Фонд Земгора, дипломатический архив. Вох 12.

⁸⁰ Е.В. Саблин М.Н. Гирсу 21 февраля 1928 г. // Там же. Вох 15.

рубаш..., при соответствующем количестве высоких сапог, валенок, лаптей и проч.». Последним аргументом в разоблачении большевиков благородными британскими офицерами послужила случайно выпавшая из рук одного из них газета (на экране крупным планом был продемонстрирован, страшно сказать, номер милюковских «Последних новостей»). В результате, естественно, зло было наказано, большевики на шлюпках ретировались на какие-то суда, стоявшие на взморье на высоте Шотландских островов и далее «в их милую Россию»⁸¹.

Итак, мы должны констатировать, что образ России в сознании эмигрантов первой волны в течение 20 лет был расколот надвое. Дипломаты Русского Зарубежья много и последовательно работали над созданием системы представлений, как о Советской России, так и России дореволюционной, императорской. Образ советской республики на всем протяжении периода был политическим фактором и играл непосредственную роль в международной политике. В сознании и деятельности дипломатов представления об СССР прошли большой и болезненный путь трансформации от однозначной «империи зла и насилия» в 1920-е гг. до ограничения критики в условиях нарастания международной напряженности в 1930-е и признания некоторых изменений в системе, допускающих «неискренний оппортунизм» и даже прямое сотрудничество с советскими структурами в условиях агрессии против страны.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Базили Н.А. Россия под советской властью. Париж. 1937.
Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
Волков Ф.Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М. 1980.
Доронченков А.И. Эмиграция «первой волны». О национальных проблемах и судьбе России. СПб., 2001.
Казнина О.А. Русские в Англии: из переписки Е.В. Саблина // Россия в США М., 2001.
Совершенно лично и доверительно!.. Т. 2. М., 2002.
Хрусталева Н.С. Психология эмиграции (Социально-психологические и личностные проблемы) Автореферат дис. ... д-ра психологических наук. СПб., 1996.
Чему свидетели мы были... Кн. 2. М., 1998.
Миронова Елена Михайловна, к.и.н., доцент, старший научный сотрудник ИВИ РАН; *alena.stankina@rambler.ru*

⁸¹ Там же.